публикации ¹ (если они были), номер Регест Ж. Даррузеса ², а также дается историко-правовой анализ документа, с выявлением и атрибуцией упомянутых в постановлении грамот и распоряжений светских и церковных лиц по данной проблеме; параллельный немецкий перевод предваряется кратким содержанием документа и, если это необходимо, историческим комментарием.

Значительное число документов посвящено частным вопросам церковной жизни Византии, однако немало и таких, которые по своей значимости выходят за рамки частных определений и постановлений и отражают общественно-политические процессы в империи в этот период. Так, из патриаршей грамоты (№ 110, с. 94-104) становится известно, что жители Янины нарушили клятву верности, которую они дали императору Андронику III Палеологу, и теперь должны понести различные церковные наказания. Из другой грамоты (№ 120, с. 154-160) мы узнаем, что в Константинополе получили широкое распространение колдовство и магия. Патриарх Иоанн XIV Калека в конце 1338 г. обращается с просьбой к Георгию Хумну, возглавлявшему правительство Андроника III, и великому друнгарию Димитрию Торнику поддержать церковь в борьбе против колдовства, так как это — обязанность и светских властей. В конце 1339 г. до патриарха дошли слухи о нарушении супружеской верности и безнравственном образе жизни Великого Комнина (речь идет о Василии). Он просит митрополита Трапезунда Григория положить конец этому скандалу (№ 129, с. 194-200). Правда, Василий Комнин через несколько месяцев умер.

Период, охватываемый публикуемыми документами, вошел в историю как время острой борьбы сторонников и противников Паламы. Среди многих документов на эту тему выделяются два постановления Синода: одно, от июля 1341 г. — о победе и истинности учения Григория Паламы и осуждении антиисихастских сочинений Варлаама из Калабрии (№ 132, с. 206—256), другое, от 1347 г. — о низложении патри-

арха Иоанна XIV Калеки, сторонника императора Иоанна V Палеолога и противника Паламы (№ 147, с. 340–382).

Русско-византийские церковные и политические отношения нашли свое отражение в ряде постановлений и грамот императора Иоанна VI Кантакузина и патриарха Исидора I от сентября 1347 г. митрополиту Киева Феогносту (№ 167, 170, с. 468–474, 486–498), великому князю московскому Симеону Гордому (№ 168, с. 474–480), владимирскому князю (№ 169, с. 480–486), митрополиту Галиции Феодору (№ 171, с. 498–500) по поводу возникновения новых епископств на Руси, подчинении их Киеву и лишении Галиции ранга митрополии ³.

Публикация документов будет продолжена в последующих томах RPK уже под руководством И. Кодера.

Одновременно со 2-м томом RPK вышли из печати и Указатели к обоим томам, подготовленные К. Купане и Е. Шифер. Они состоят из небольшого Предисловия (с. 7–14) и трех аннотированных указателей: имен (с. 19–62), слов с переводом их на немецкий язык (с. 63–319) и index locorum (с. 321–333), где приведены места ссылок и аллюзий в документах не только на Библию, но и на сочинения церковных и светских писателей, юридические тексты. В конце Указателя помещено оглавление всех 175 грамот, опубликованных в обоих томах RPK.

Выход аннотируемого тома и Указателей — это существенное пополнение серии «Корпуса источников византийской истории».

П. Ж.

С. В. Близнюк. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре, 1192–1373. М.: МГУ, 1994, 191 с.

Проблемам средневековой торговли всегда уделялось большое внимание в отечественной медиевистике. Это не случайно: изу-

В основном это публикации в Acta et diplomata graeca mediiaevi sacra et profana. Ed. F. Miklosich-J. Miller. 1860, t. 1.; PG, 152.

J. Darrouzès. Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1: Les actes des patriarches. Fasc. V: Les regestes de 1310 à 1376. Paris, 1977.

³ Русский перевод и публикация данных грамот (по изданию ММ, 1): Памятники древнерусского канонического права. Т. 1. СПб., 1908. Приложение, № 4–8, с. 21–39.

чение торговли дает возможность более отчетливо увидеть многие присущие обществу в целом особенности — помимо собственно торговли, это и характер связей города с сельской округой, и специфика организации производства, и социальная структура общества, и уровень жизни населения. Появление только в последнее время многочисленных работ по истории средиземноморской и причерноморской торговли — свидетельство того интереса, который вызывает у исследователей эта тема.

Монография С. В. Близнюк — еще одно подтверждение этому. В историографии уже неоднократно поднимались отдельные вопросы истории торговли на Кипре в правление династии Лузиньянов² (и в отечественной медиевистике книга С. В. Близнюк о Кипре — не первое исследование, посвященное истории острова³). Важность и значимость именно этой публикации состоит прежде всего в том, что автору впервые удалось рассмотреть торговлю, хозяйство, социальную структуру острова, политическое положение и дипломатические сношения государства Лузиньянов в комплексе их тесных взаимосвязей друг с другом. Ученые получили возможность обратиться к самому полному на сегодняшний день (после введения в научный оборот большого комплекса новых источников — генуэзских нотариальных актов) монографическому исследованию торговых связей кипрских городов, в том числе Фамагусты — круп-

Укажем здесь лишь самые последние крупные публикации, непосредственно посвященные торговле в Средиземноморье и Причерноморье, где дана полная библиография: С. П. Карпов. Итальянские морские республики и Южно Причерноморье в XIII—XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990; А. Г. Еманов. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII—XV вв. Тюмень, 1995.

нейшего торгового порта Средиземноморья, центра обмена между Востоком и Западом в средние века.

Исследование основано на использовании широкого круга источников — это и многочисленные документальные источники (прежде всего, нотариальные акты генуэзцев Ламберто ди Самбучето и Джованни де Рока 1296-1310 гг., венецианские нотариальные акты), и торговые практики, описи, хроники (в том числе русские летописи), описания путешественников, свод законов — «Ассизы Иерусалима и Кипра» и т. д. Хронологически исследование охватывает период с 1192 г. — времени прихода к власти королей из династии Лузиньянов — до 1373 г. — года начала войны с генуэзцами, которые впоследствии в результате этого конфликта получили самый крупный из кипрских городов — Фамагусту. Однако в работе использован ряд источников, относящихся как к более раннему, так и к более позднему времени, и позволяющих в некоторых случаях проследить эволюцию торговли и торговых связей, изменения социальной и этнической структуры населения Кипра в более широких хронологических рамках.

В книге С. В. Близнюк ставится целый ряд проблем, но в первую очередь исследовательница анализирует особенности международной торговли, ее воздействие на местную экономику — ремесло, сельское хозяйство — и его проявления.

В первой главе автор обращается к рассмотрению дипломатических и экономических связей Кипра с государствами как Запада, так и Востока и останавливается на вопросе о том, каким образом западноевропейцам и особенно гражданам итальянских морских республик удалось получить значительные привилегии и земельные владения на Кипре. Кипрские короли не спешили с раздачей пожалований, используя соперничество между основными конкурентами и претендентами на первенство в кипрской международной торговле — Венецией и Генуей и стремясь получить взамен важные услуги (прежде всего, военную помощь). Первые привилегии были предоставлены Республике св. Георгия в 1218 г. (с. 31), но лишь с 60-х гг. XIII в. генуэзские купцы, вытесняемые из Сирии, все чаще устремляют свои взоры к кипрским рынкам (с. 34). Венецианские граждане имели привилегии на острове еще с византийского времени (с. 36-37), но после прихода к власти династии

Об интересе в последнее время к истории Кипра — как примера западноевропейской колонизационной деятельности на Востоке, — свидетельствуют новые работы и издания, вышедшие примерно в одно время с рецензируемой монографией. См., например: Les Lusignans et l'Outre-mer. Actes du colloque, Poitier-Lusignan, 20–24 octobre, 1993. Poitier, 1993; Coloniser au moyen âge / Sous la dir. de M. Balard et A. Ducellier. Paris, 1995.

³ См.: С. В. Близнюк. Мир торговли и политики..., с. 25.

Лузиньянов связи Венеции с Кипром сокращаются, а венецианцы утрачивают ряд своих привилегий и владений на острове. Несмотря на заинтересованность венецианцев в установлении более благоприятного для них режима торговли на Кипре, занимавшем столь выгодное географическое положение, лишь в 1306 г. им удалось заключить договор, закрепивший их позиции на острове (с.40, 50).

После 1291 г., когда мусульманами был взят последний оплот крестоносцев на Востоке, — Акра, начинается новый этап в развитии торговых связей на Леванте, что было вызвано изменением системы торговых коммуникаций после завоевания, папскими запретами на торговлю с мамлюками. Именно в это время порты Кипра приобрели то ключевое положение в восточной торговле, которое сохранялось за ними впоследствии. Однако, помимо благоприятной политической ситуации и выгодного географического положения острова, важную роль в его экономическом процветании играла политика кипрских королей.

Исследовательнице удалось наглядно показать, что короли Кипра могли осуществлять постоянный контроль за деятельностью иноземного купечества, и, несмотря на предоставление существенных привилегий (система привлечения иноземных купцов за счет налоговых и прочих льгот окончательно складывается в период 1291-1373 гг.), вести сбалансированную политику, при которой эта деятельность не подрывала экономику острова, но, напротив, обогащала казну. Снижение налогов (но отнюдь не их полная отмена! (с. 164)) способствовало увеличению товарооборота на острове, т. к. делало его рынки более привлекательными для купечества, и, как следствие, обеспечивало рост поступлений от налогов. Даже самые осторожные подсчеты позволили определить общую сумму ежегодных доходов королевства от сбора торговых пошлин как весьма значительную: по одной из гипотез исследовательницы — до 30% общего годового дохода королевства (с. 48).

Если в отношениях с Западом короли Кипра шли по пути предоставления привилегий западноевропейским купцам, то на связи Кипра с Востоком, в том числе и военные действия против мамлюков (особенно в эпоху правления Пьера I), накладывали отпечаток торговые интересы киприотов-поддан-

ных короля. Эти интересы выразились, в частности, в документах, отражавших ход переговоров о мире с Египтом, — в них были включены требования защиты прав кипрских купцов, посещавших земли султана, и предоставление им торговых привилегий (с. 58–63). Эти данные, по мнению автора, свидетельствуют об активной посреднической роли кипрских купцов в торговле между Востоком и Западом.

Вторая глава посвящена маршрутам, связывавшим кипрские порты с другими средиземноморскими торговыми центрами. Важнейшее значение для острова имели прямые торговые связи на Западе — с Генуей и Венецией, а на Востоке — с Киликийской Арменией. Впрочем, с более отдаленными рынками могли поддерживаться не только прямые связи, о редкости которых пишет исследовательница, но и опосредованные, т. к. товары, переходя из рук в руки, достигали самых отдаленных уголков. Тем не менее, автору удается обнаружить и данные о наличии экономических связей и обмене товарами не только с городами Италии или Ближнего Востока, но и с Англией, Фландрией, Германией (с. 70-71), а также с городами Романии. С. В. Близнюк определяет регион, в который входил крупнейший кипрский порт Фамагуста, как «левантийский», подчеркивая, что в экономическом отношении эта область была в значительно большей мере связана непосредственно с западноевропейскими рынками, чем с близлежащими областями Романии (с. 71-72).

Переходя к анализу данных об ассортименте товаров на рынках Кипра, исследовательница обращается к изучению изменений цен, торговых расходов и доходности сделок. Основными товарами, экспортировавшимися с Кипра, были хлопок, соль, сахар, зерно, специи, рабы. Важную роль, как показано автором, играл также реэкспорт ввозившихся на Кипр товаров: так, специи, поступавшие сюда с Востока, а также рабы вывозились на Запад, ткани, зерно — на Восток. В книге приведены подборки сведений о ценах на разные товары кипрского рынка и их изменениях, которые дают возможность определить место Кипра в системе торговых связей Средиземноморья. Наблюдения за ценами позволили автору предположить постепенный рост цен на товары к середине XIV в.

Как правило, при характеристике крупной морской торговли между Востоком и Западом ученые указывают на то, что она преимущественно имела характер обмена ремесленных изделий, доставлявшихся с Запада, на сырье, поступавшее с Востока. Именно поэтому нам представляется, что особое внимание следует обратить на небольшой раздел работы, посвященный торговле тканями и текстильным сырьем на Кипре. С. В. Близнюк удалось выявить данные, свидетельствующие о том, что на Кипре производились местные ткани — прежде всего, это камелоты и скарлатты, пользовавшиеся широким спросом у западноевропейских купцов, а также разные виды дорогих шелковых тканей (с. 112-113). Немногочисленные данные об этой торговле (даже если мы допустим, что в некоторых случаях речь идет о реэкспорте тканей с Кипра) чрезвычайно интересны в свете дискуссии о роли западноевропейской торговли тканями на Востоке и о ее воздействии на местное ремесленное производство. Мы бы не решились, как автор работы, на основе этих данных говорить о «подъеме кипрского ремесла» (с. 166), поскольку ничто не свидетельствует об увеличении производства экспортируемых с Кипра тканей местного происхождения под воздействием иноземной торговли. Тем не менее, эти сведения не позволяют говорить и о «подавлении» местного происхождения, являясь, таким образом, еще одним фактом в ряду тех, которые позволяют скорректировать утверждение о «подавлении» городского ремесла и торговли итальянским импортом тканей 4. Оно не вполне соответствует действительности как потому, что мы не располагаем данными о производстве местными ремесленниками сукон, так и потому, что производство традиционных текстильных изделий сохранялось, и, как показано в данном случае на примере Кипра, они пользовались спросом и у иноземных купцов.

В третьей главе исследовательница обращается к анализу данных о купечестве, его социальном и этническом составе на Кипре. Автор подчеркивает, что имеющиеся в на-

шем распоряжении свидетельства неоднородны, т. к. те или иные заключения и наблюдения можно сделать, главным образом, по генуэзским нотариальным актам, которые, естественно, отражают, в первую очередь, генуэзское присутствие на острове (с. 125). Кроме того, имеющиеся источники, во-первых, относятся преимущественно к 1296-1310 гг. (акты Ламберто ди Самбучето и Джованни де Рока) и 1360-1362 гг. (акты венецианского нотария Николо де Боатерииса), во-вторых, для первого периода они составлены генуэзскими нотариями, а для второго - венецианцем. В то же время, автор рассматривает имеющиеся данные, по крайней мере, для конца XIII — начала XIV в. как репрезентативную выборку, позволяющую с определенной достоверностью оценить пропорции участия иностранного купечества в кипрской торговле. По имеющимся данным в ней, безусловно, преобладали генуэзцы и лигурийцы (до 40-45% от общего числа иноземцев) (с. 125). Однако, у них были и сильные конкуренты в лице купцов из других итальянских городов (венецианцев, пизанцев, анконцев, флорентийцев — общее число жителей итальянских городов-негенуэзцев до 20%), каталонцев, жителей городов Южной Франции (ок. 10-15%) (с. 128). Документы Николо де Боатерииса дают картину, искажающую ситуацию в пользу венецианских граждан и подданных Республики св. Марка, однако и они свидетельствуют об участии в кипрской торговле купцов из разных государств.

Исследовательница выделяет группу лиц, обозначенных в источниках habitatores и burgenses городов Кипра, — переселившихся на Кипр подданных других государств, которые принимали активное участие в производственно-предпринимательской деятельности. Статус burgenses имели те, кто признал верхоьную власть короля (принес присягу, в соответствии с «Ассизами») и пользовался защитой государства (с. 139-141). С. В. Близнюк отмечает, что эта группа составила ок. 11% от общего числа иностранцев в Фамагусте, причем среди них, по имеющимся данным, более всего генуэзцев (с. 135). Таким образом, ей удалось сделать важное наблюдение: лица, участвовавшие в торгово-предпринимательской деятельности на острове, охотно селились в кипрских городах. Это свидетельствует об их заинтересованности в постоян-

⁴ См. о дискуссии: С. П. Карпов. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ, 1983, т. 44, с. 82–83; Он же. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990, с. 332.

стве своего пребывания на острове, а, значит, и о том, что их деятельность там имела устойчивый характер.

В небольшом очерке о киприотах (гл. 3, § 3) С. В. Близнюк рассматривает этнический состав местного населения острова. Большинство населения Кипра составляли греки. К господствующим слоям кипрского общества принадлежали латиняне — франки, потомки завоевателей острова и переселенцы из Европы, а также беженцы из Сирии (особенно после падения в 1291 г. Акры). Их численность, по сравнению с другими этносами, была очень невелика. Среди богатейших и привилегированных семей Кипра, в том числе и активно участвующих в торговле, много сирийцев (среди которых были представители разных этносов и конфессий, а также лица разного социального положения). Одним из средств обеспечения более благоприятного положения для участия в международной торговле для населения Кипра было приобретение статуса натурализованных — «белых генуэзцев» или «белых венецианцев», — который давал право пользоваться покровительством, соответственно, либо Республики св. Георгия, либо Республики св. Марка.

Наконец, в последнем разделе монографии С. В. Близнюк делает попытку исследовать социальные группы населения Кипра, принимавшие участие в торговле, и выявить связь между социальной принадлежностью и способом ведения торговли. Так, важнейшую роль в экономической жизни Кипра играли представители знатных генуэзских и венецианских семей. Венецианцы укрепляют свое присутствие на Кипре позже генуэзцев (преимущественно с 30-х гг. XIV в., после установления системы навигации галей «линии»). С. В. Близнюк подчеркивает, что по данным нотариальных актов нельзя заключить, будто несколько известных фамилий монополизировали торговлю, — важную роль в ней играли и купцы незнатного происхождения. Но число известных по документам купцов-непрофессионалов (среди них — ремесленники, мелкие торговцы и др.) невелико, а их доля в общем объеме инвестиций в торговлю на Кипре незначительна (всего 2,1%) (с. 160). При этом в основном торговцы-непрофессионалы инвестируют свои средства в комменду, а крупные негоцианты -в камоий (с. 160-163). Эти наблюдения стали основой для сделанного исследовательницей

вывода о том, что на рубеже XIII–XIV вв. на Кипре происходит профессионализация торговли, хотя мелкое и среднее купечество также находит способы участвовать в коммерческих предприятиях.

С. В. Близнюк оценивает экономику Кипрского королевства в XIII — начале XIV в. как переживающую расцвет (с. 167), который в значительный степени зависел от развития международной торговли на его территории. Автор указывает, что расширение рынка, в том числе и за счет привлечения купцов благодаря созданию для них более выгодных условий и освобождению от пошлин, способствовало ускорению торгового оборота, обеспечивало экономический рост.

Замечания, которые мы можем высказать в адрес работы С. В. Близнюк, сводятся скорее к вопросам и предположениям, требующим дальнейших исследований. Так, представляется, что столь оптимистичная оценка состояния экономики Кипра и политики его королей несколько противоречит данным о последующей истории этого государства. Например, острый конфликт с генуэзцами, приведший к договору о колоссальных выплатах репараций и затем к потере Фамагусты⁵, прямое продолжение предшествующего периода в истории взаимоотношений Республики св. Георгия и Кипрского королевства и, как можно предположить, следствие укрепления генуэзцев на острове на протяжении XIII-XIV вв. Возможно, дальнейшие исследования экономики Кипра и истории Генуэзской Романии позволят когда-нибудь разрешить и это противоречие.

Особую сложность в работах по средневековой экономике всегда вызывают единицы измерения — меры веса и объема, соотношение различных денежных единиц. Автору удалось преодолеть это серьезное затруднение, которое требует дополнительного подготовительного исследования и особого внимания к цифрам в каждом из используемых документов. В то же время, сведения о ценах на разные товары и их соотношении указывают на новые, еще не выясненные до конца вопросы. Например, в книге приведены данные о средних ценах на зерно на рубеже XIII — XIV вв., составляв-

C. Otten. Les institutions génoises et les affaires de Chypre // État et colonisation au Moyen Bge / Sous la dir. de M. Balard. Lyon, 1989, p. 168.

ших ок. 5,1 белых безанта за модий, равный прим. 29 кг (с. 88, 100, 103). Но тогда чрезвычайно низкими представляются цены на рабов (с. 117) — от 40 до 100 белых безантов, а для середины XIV в., когда, как констатирует автор, наблюдается повышение цен на рабов, средняя цена рабыни — 142 белых безанта, а раба — 112 белых безантов. Если исходить из тех же соотношений денежных единиц и мер веса, которыми автор воспользовался при расчетах цен на зерно, то получится, что раба можно было купить за 40 белых безантов, что может быть приравнено к цене 227 кг зерна — т. е. менее одного константинопольского модия, в то время как в Константинополе цены на рабов в соотношении с ценами на зерно были, по меньшей мере, в 5–10 раз выше! ^{6} Даже при подорожании цена на рабыню приравнивается к цене примерно 8 центнеров зерна. Э. Эштор указывает примерно те же цены — ок. 110-170 белых безантов за раба для 60-х гг. XIV в. и констатирует значительный рост цен, но он явно исходит из других соотношений денежных единиц — 2,6 белых безантов=1 дукат ^{7} , — что невероятно в применении к ценам на зерно, если исходить из определения веса одного модия зерна, которого придерживается С. В. Близнюк. Так ли это? Видимо, вопрос о соотношении цен требует еще дополнительного изучения.

Предложим здесь также варианты перевода и возможные интерпретации в тех случаях, когда автор оставляет упомянутые в тексте обозначения под вопросом: onera realia seu personalia — скорее, не «общественная или личная ответственность» (с. 134 и примеч. 50), а налоги — имущественные или личные; jarpenterius или zarpenterius — плотник (сравн.: carpentière, charpentier); corvexerius — вероятно, сапожник (сравн.: corvesarius — Du Cange Du Fresne C. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Paris, 1842, t. 2, p. 630); placerius — скорее, не «привратник» или «сторож», а «торговец», сравн. placier (франц.) (с. 139).

В соответствии с «Ассизами» (Bibliotheca Graeca Medii Aevi. Paris, 1877, t. VI, p. 237. l.22-25),

пошлины на экспортируемые кипрские товары составляли не 1 карат с каждых 100 перперов (0.04% - c. 46), а 1 карат с каждого перпера $(\tau. e. ok. 4\%)$.

Некоторые дополнения, как представляется, можно сделать и по поводу истолкования использованного С. В. Близнюк документа 1346 г. из архива С.-Петербургского филиала ИРИ РАН о владениях епископа Фамагусты и Антерадена в области Тревизо. Исследовательница подчеркивает, что наличие таких владений является показателем стабилизации кипро-венецианских отношений (с. 56-57). В соответствии со сделанными автором наблюдениями, епископ Фамагусты и капитул церкви Антерадена получили земельные владения на территории, находившейся под юрисдикцией Республики св. Марка в области Тревизо, а для осуществления контроля и сбора доходов был назначен прокуратор — Иоанн де Пермаринис. Война Венеции с Вероной нанесла значительный урон землям, так что кипрская церковь понесла большие убытки, но на будущее прокуратором был заключен договор с новыми арендаторами.

Отметим, что прокуратором епископа Фамагусты и церкви Антерадена был представитель знатного венецианского рода Пермарин, а арендатором — член той же семьи и его дети (причем, учитывая, что и прокуратор, и арендатор были из одного прихода Св. Павла во их можно, безусловно, считать близкими родственниками (братьями?)). Суть дела, вероятно, состояла в том, что земли перешли во владения к церкви Антерадена и Фамагусты, поскольку один из членов знатного венецианского рода получил должность в этой церкви 9.

Документ 1346 г. является копией, оригинал которой был составлен в 1344 г. Интересно, что составление копии можно приурочить к смене

⁶ Cf.: J.-Cl. Cheynet, E. Malamut, C. Morrisson. Prix et salaires Byzance (Xe-XVe si cle) // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. Vol. 2. VIIIe-XVe si cle / Ed. par V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. Paris, 1991, p. 352, 358.

E. Ashtor. Histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. Paris, 1969, p. 499.

См.: С. В. Близнюк. Неизвестный венецианский документ 1346 г. по истории кипро-венецианских отношений // СВ, 1990, вып. 53, с. 191–203.

Возможности перехода земель во владения клира в Венеции строго контролировались и ограничивались. См.: A. Stella. La proprietà ecclesiastica nella Repubblica di Venezia dal secolo XV al XVII // Nuova rivista storica. Anno XLII. 1958, fasc. 1, p. 50–51. Не с этими ли ограничениями связано предоставление земель в аренду члену именно той же семьи?

епископа Фамагусты: первые известия о следующем после епископа Марка (упомянутого в документе) епископе Фамагусты Итерии де Набинали относятся к 26.06.1346 г. ¹⁰, а текст копии имеет дату 07.07.1346 г. ¹¹. Не связано ли составление копии документа с конфликтом, разгоревшимся между Джованни Пермарино и епископом Фамагусты, который привел в дальнейшем к обращению венецианца за поддержкой к римскому папе (рго conservatione sui iuris) и специальному постановлению по этому поводу Сената Республики св. Марка (15.01.1348 г.) ? ¹²

Факт укрепления связей Венеции с Востоком в данном случае можно понять, скорее, как укрепление граждан Республики св. Марка — членов знатных семей — на высоких должностях в качестве представителей католической церкви на Востоке ¹³.

Появление историко-экономического исследования об одном из государств крестоносцев на Востоке, безусловно, не останется незамеченным византинистами. Высказанные С. В. Близнюк гипотезы, поставленные вопросы — признак того, что новая работа вызовет и споры, и дальнейшие исследования. В книге имеются хронологическая таблица королей Кипра из династии Лузиньянов и карты, облегчающие работу с текстом, а также обширная библиография. Хочется обратить внимание еще и на то, что автором собран интереснейший материал о повседневной жизни в Средиземноморье в XIII-XIV вв. — о рецептах изготовления вина и сахара, о лакомствах и фруктах, которые особенно любили в ту эпоху, о местных и восточных тканях на кипрском рынке, о сосуществовании на острове различных этносов, конфессий и языков. Все эти сведения позволяют ярко представить себе картину жизни средневекового города, быт и обычаи людей и делают книгу интересной для широкого круга читателей.

В. Г. Ченцова

С. П. Карпов. Путями средневековых мореходов: черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М.: Восточная литература, 1994, 158 с

Новую книгу профессора МГУ С. П. Карпова нельзя было найти на книжных прилавках, едва она вышла в свет. Уже в этом -примета редкого успеха; какой когда-либо выпадал на долю издания, далеко не столь простого и популярного. Здесь мало объяснения вероятной привлекательностью морской тематики, которая сама по себе обладает магнетизирующим зарядом, приковывающим к себе внимание. Уже вчитывание в первые страницы прочно утверждает в том, что перед читателем незаурядная книга, мастерски и тонко воссоздающая феномен итальянского мореплавания, во всей его жизненной осязаемости и полноте. В ней счастливо сочетаются отточенное совершенство исследовательской техники зрелого ученого, свободного от эйфорического чувства первооткрывателя, свойственного молодому возрасту, и золотая уравновешенность осторожных наблюдений и колоссальной эрудиции, без эффекта подавляющего воздействия на реципиента, что часто бывает с работами узко профессиональными; в ней находят свое воплощение отличающие автора такт и толерантность к возможному иному суждению, что так располагает к диалогичности; в ней с особой силой проявляются не изменяющий автору темперамент историка, без устали продвигающегося от одного «темного» сюжета к другому, и, не ошибусь, замечательная романтическая увлеченность, что придает исследованию особое обаяние; наконец, в представляемой книге достигает предельной легкости и ясности стиль научного изложения, почти новеллистическое изящество которого начало проявлять себя уже в первой, памятной византинистам, большой работе ученого.

Тема «черноморской навигации Венецианской республики в XIII—XV в.», к которой совершенно закономерно привела С. П. Карпова сама логика исследования международной экономической значимости Трапезунда и всего Южного Причерноморья, представ-

G. Fedalto. La chiesa latina in Oriente. Verona, 1976, vol. 2, p. 122.

¹¹ С. В. Близнюк. Неизвестный венецианский документ..., с.191.

¹² G. Fedalto. La chiesa latina in Oriente. Verona, 1978, vol. 3, N 144, p. 64.

¹³ Ibid., p. 13–15.